

О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА

(Гносеологический анализ)

Л. А. АБРАМЯН

В наиболее общем виде проблема значения, как известно, подлежит компетенции семиотики, или общей теории знаков. Вместе с тем понятие значения, правда, в менее общем содержании, разрабатывается рядом других частных (специальных) научных дисциплин, в том числе лингвистикой. Не будет преувеличением утверждать, что «значение» составляет одно из характернейших понятий науки о языке, ибо слово как элемент естественного языка лишь постольку является лингвистическим объектом, поскольку оно обладает значением. Больше того. Согласно новейшим представлениям, речь может идти не только о том, что «значение» составляет одно из самых симптоматичных понятий языкознания, но и о том, что вся концепция лингвистики как науки должна быть пронизана идеей общей теории значения¹. Отсюда ясно, что выяснение содержания понятия значения составляет одну из важнейших задач теории языка.

Вместе с тем разработка этой проблемы представляет существенный интерес и для философии. Достаточно сказать, что вопрос о соотношении слова и понятия (в контексте более широкой проблемы «язык и мышление») ныне невозможно обсуждать на современном уровне, не затрагивая и не решая вопроса о значении слова. Дело в том, что гносеологический вопрос о соотношении языка и мышления, как будет показано ниже, получает различное освещение в зависимости от того, что подразумевается под значением слова.

Вследствие этого «значение» не возводится в ранг философской категории. Проблема значения не только не составляет основного вопроса философии, как склонны были думать некоторые представители логического позитивизма², но и, вопреки мнению, выраженному в одном авторитетном советском издании³, не принадлежит к числу философских понятий. Даже наиболее общее, семиотическое понятие о значении лишено той всеобщности, которая свойственна категориям философии: сфера применения понятия значения ограничена областью функционирования знаков. Это понятие частных наук. Поэтому философия, строящая свои взаи-

¹ См. Ю. С. Степанов. Основы языкознания. М., 1966, стр. 258.

² G. Ryle. The Theory of Meaning, in „British Philosophy in the Mid. Century“. A Cambridge Symposium. Ed. by C. A. Mace. London, 1956, p. 239.

³ См. И. Нарский. Значение. «Философская энциклопедия», т. 2, М., 1962, стр. 181.

моотношения с частными науками на разумных основаниях, не может и не должна подменять их, пытаясь выработать понятие значения вместо них или минуя их.

Термин «значение», часто фигурирующий в ситуациях, когда требуется устранить многозначность высказывания, как это ни парадоксально, сам является удивительно многозначным. Не входя в анализ множества частных значений этого термина⁴, необходимо все же заметить, что, помимо своего знакового, семиотического смысла, когда под значением подразумевается исключительно значение знака или знакового выражения, «значение» используется также в более широком смысле, почти идентичном термину «ценность» (например, в таком высказывании: «NN недооценивает значение библиографической работы»). В этом втором, более широком («ценностном») понимании «значение», очевидно, не имеет специфически знакового смысла⁵.

Помня об этом и приступая к обсуждению проблемы значения, как она ставится в лингвистике, необходимо прежде всего уточнить, в каком смысле используется здесь термин «значение» — в узком («знаковом», семиотическом) или широком («ценностном»). Хотя, вообще говоря, под значением слова в некоторых случаях вполне может подразумеваться «ценностное» значение слова (например, в этическом контексте, где слово может оцениваться как поступок (ср. с выражением «убить словом»), тем не менее бесспорно, что в лингвистике под значением имеется в виду «знаковое» значение, т. е. значение лингвистического знака.

Именно потому, что слово в современной лингвистике рассматривается как знак (хотя и, разумеется, как знак особого рода), в ней закрепился термин «значение», который используется здесь в специально знаковом смысле, что, собственно, и служит основанием для установления родственных отношений между лингвистикой и семиотикой.

При таком общем подходе значение слова мыслится как недифференцированное, сложно-составное явление. К значению слова в таком его понимании относится характеристика, данная акад. В. В. Виноградовым: «Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова... оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно опознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова с синонимами и вообще с близкими по значениям и оттенкам словами, от экспрессивной и стилистической окраски слова»⁶.

⁴ Leo Abraham, What is Theory of Meaning about? „The Monist“, 1936, № 46.

⁵ По вопросу о соотношении между значением и ценностью, представляющем большой теоретический интерес, см. Ch. Morris, Signification and Significance A Study of the Relations of the Signs and Values. Cambridge, Mass., 1934.

⁶ В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слов. «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 6.

В значении слова, таким образом, выделяется целый ряд компонентов, которые нельзя признать однотипными: лексическое значение, грамматическое значение, экспрессивно-стилистическое значение и т. п. Если эти частичные понятия о значении соотнести с семиотическими категориями, то лексическое значение будет соответствовать семантическому значению, грамматическое—синтаксическому, а экспрессивно-стилистическое значение—прагматическому. Предметом обсуждения в данной статье служит не общее, недифференцированное понятие о значении слова, а тот его компонент, который обычно именуется лексическим значением слова и которой в приведенной выше характеристике упоминается как «соответствие его (т. е. слова.—Л. А.) тому понятию, которое выражается с помощью этого слова».

Если можно дискутировать о том, действительно ли концепция лингвистики как науки должна быть пронизана идеей общей теории значения, то представляется бесспорным, что понятие о лексическом значении слова занимает центральное место в том разделе языкознания, который одними лингвистами называется семантикой, а другими—семасиологией. (Второе название, восходящее к К. Рейзигу⁷, по ряду соображений нам представляется более предпочтительным). Недаром эта лингвистическая дисциплина по-немецки именуется «Bedeutungslehre», что означает «учение о значении».

Что же представляет собой лексическое значение слова?

Как уже было отмечено, в цитированной выше характеристике значения слова, данной В. В. Виноградовым, о лексическом значении слова говорится как о соответствии слова тому понятию, которое с помощью этого слова выражается. Можно было бы ожидать, что автор рассматривает лексическое значение слова как отношение слова к выражаемому им понятию. Однако в этой же работе лексическое значение слова непосредственно отождествляется с понятием. Эту нечеткость нельзя считать случайной. Она отражает неясность по этому вопросу, еще существующую в нашей литературе.

* * *

Вряд ли следует специально доказывать, что уточнению семасиологического понятия о лексическом значении слова в значительной мере способствовал бы критический разбор взглядов и теорий, относящихся к этой проблеме. В настоящее время основными противоборствующими концепциями значения, на наш взгляд, являются две—идеальная и референциальная: первая принимает значение за некоторое идеальное образование, вторая—за отношение между языковым знаком и тем или иными компонентами, участвующими в процессе функционирования знаков.

Идеальная концепция значения—так же, как и референциальная,—представлена в литературе множеством различных своих разновидностей.

⁷ H. Kronasser. Handbuch der Semasiologie. Kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. Heidelberg, 1952. S. 29.

Различия между ними в философском плане подчас весьма существенны, и обусловлено это главным образом тем, что по-разному понимается то идеальное явление, которое признается за значение. В одних теориях оно толкуется в духе платонизма, в других—в соответствии с традициями Юма, в третьих оно получает рациональную интерпретацию и представляется как обобщенное идеальное отражение внешнего мира. Здесь целесообразно остановиться именно на этой последней—хотя бы уже потому, что в марксистской литературе она приобрела довольно широкое распространение.

Основная трудность, с которой сталкивается идеальная концепция, трудность, преодолеть которую она, в конечном счете, оказывается неспособной, заключается в соотношении значения, понимаемого как идеальный образ действительности, с другими компонентами языково-мыслительной деятельности, прежде всего с носителем значения—словом и выражаемым посредством этого слова понятием. Следует иметь в виду, что эта трудность представителями идеальной концепции осмысливается по-разному и поэтому по-разному формулируется теоретическая проблема, в которой она находит свое выражение.

Обычно на первый план выдвигается проблема, которая формулируется как вопрос о соотношении значения слова и понятия. Думается, что такая постановка вопроса, по меньшей мере, является недостаточно широкой. Ведь «понятие» фигурирует здесь лишь постольку, поскольку оно являет собой факт сознания, выраженный посредством слова. Но слова и словосочетания выражают не только логически отработанные, четко определяемые понятия,—они могут выразить любое содержание сознания: как научного, так и обыденного характера, как образно-эмоционального, так и волевого порядка. Поэтому упомянутую выше проблему следовало бы формулировать как вопрос о соотношении между значением слова и идеальным содержанием, выраженным посредством слова.

Суть этой проблемы, кратко говоря, заключается в следующем. Признается, что языковой знак—слово—имеет значение и выражает некоторое идеальное содержание сознания. Пусть это идеальное содержание представляет собой понятие—безразлично, в строго логическом или расширительном смысле. Само собой разумеется, что понятие, выраженное словом, служит отражением того предмета, который этим словом обозначен. А значение слова? Согласно идеальной концепции, значение также является отражением предмета, причем того же самого. Таким образом, и понятие и значение оказываются идеальными отражениями одного и того же предмета, а именно: предмета, обозначенного словом. Естественно, возникает вопрос, идентично ли идеальное содержание сознания, выраженное словом (пусть это опять-таки будет понятие), тому идеальному содержанию, которое составляет значение слова. Что представляет собой значение слова в качестве идеального образования—одну из известных, «классических» форм отражения действительности (такую,

например, как понятие) или это особая, самостоятельная, доселе неизвестная форма отражения действительности?

Высказывалось мнение, что значение слова и понятие—это два различных идеальных явления⁸. Однако подобное «удвоение сущностей» по вполне понятным причинам не находит поддержки в литературе. Такое понимание отвергается также и представителями идеальной концепции значения, хотя, надо сказать, для них это единственная возможность избежать отождествления значения и понятия и вместе с тем сохранить взгляд на значение как на идеальное образование. Ибо всякий, кто не признает значение особой формой отражения действительности, отличной от понятия, представления и т. п., кто, таким образом, считает, что идеальное содержание сознания, выраженное словом, в принципе совпадает с идеальным содержанием, составляющим значение слова,—тот так или иначе стоит на позициях принципиального тождества значения и понятия.

Некоторые исследователи отстаивают эти позиции ясно и последовательно⁹. С их точки зрения, в действительности существует не два разных идеальных явления—значение слова и понятие, а одно, единое, целостное мыслительно-языковое образование, выступающее в одном случае как значение, в другом—как понятие. Если сопоставлять однотипные значения и понятия (например, значение научного термина и соответствующее понятие, либо значение обыденного слова и выражаемое посредством этого слова идеальное содержание сознания), то никакого иного различия между ними обнаружить невозможно.

Несколько иначе пытается подойти к вопросу другая часть исследователей. По существу представители этого направления также стоят на позициях принципиального тождества значения слова и понятия, поскольку для них выраженность понятия посредством слова и обладание слова значением—это явления равнозначные. С их точки зрения, значение слова—это понятие, выраженное звуками данного слова. В этом отношении понятие и значение слова признаются тождественными. Однако вместе с тем подчеркивается, что понятие составляет лишь сердцевину, центральное ядро значения¹⁰.

Своеобразие позиции этой части исследователей заключается в том, что они решительно отвергают идею полного тождества понятия и значения слова, заявляя, что их точка зрения характеризуется признанием не только тождества, но и различия. В связи с этим предпринимаются попытки выделить целый ряд особенностей значения слова, отличающих его от понятия. Однако попытки эти едва ли можно считать успешными.

⁸ См. П. И. Визгалов. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. Изд. Казанского университета. 1962, стр. 13—28.

⁹ См. П. С. Попов. Значение слова и понятие. «Вопросы языкознания», 1956, № 6. А. Шафф. Введение в семантику. М., ИЛ, 1963, стр. 273—291.

¹⁰ См. Л. О. Резников. Понятие и слово. Л., 1958, стр. 74—95; его же. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, стр. 38—69.

Почти все выделяемые особенности таковы, что их вообще невозможно отнести к значению как идеальному образованию, и в силу этого они ни в какой степени не способствуют различению значения слова и понятия. Утверждается, например, что значение, в отличие от понятия, обладает идноматическими чертами, присущими каждому национальному языку. Остается, однако, неясным, каким образом эта особенность мыслится в качестве свойства обобщенного идеального отображения действительности, каковым считается значение слова....

Из всех обычно перечисляемых пунктов различия единственно реальное значение сохраняется лишь за одним. Речь идет о том, что значение слова нередко включает в себя не только концептуальное содержание, но и элементы чувственно-образного, эмоционального, волевого характера. Эта мысль, высказывавшаяся и ранее, в последнее время выдвигается на передний план в качестве решающего (если не единственного) аргумента и в силу этого требует отдельного рассмотрения.

Само собой понятно, что указанная особенность не является общей и необходимой чертой всех языковых знаков. В этом отношении термины, т. е. знаки научного языка, выражающие чисто пснятийное содержание, составляют явное исключение. Иначе говоря, этот пункт различия к определенному разряду языковых знаков вообще неприменим: их значение полностью совпадает с содержанием выраженных с их помощью понятий. Это признают и сами представители рассматриваемой здесь точки зрения. Но тем самым тезис о принципиальном тождестве значения и понятия перерастает (хотя бы частично, в отношении слов-терминов) в тезис об их полном и абсолютном совпадении,—в тезис, который первоначально решительно отвергался.

Однако слабость этого аргумента не только в том, что он не касается целого разряда языковых знаков. Положим, что в значение обычных слов, кроме понятийного содержания, входят некоторые другие элементы неконцептуального порядка. Разве это говорит о каком-либо отличии идеального образования, составляющего значение обыденного слова, от идеального содержания, выражаемого посредством этого слова? Ведь если какие-то неконцептуальные элементы входят в значение слова, то они входят также в то идеальное содержание, которое этим словом выражается.

Эти соображения вновь свидетельствуют против чрезмерно узкой постановки проблемы—«значение слова и понятие»,—которая требует, чтобы значение слова сопоставлялось именно и только с пснятием. Между тем во всех случаях сравнению подлежит то, что составляет значение слова, с тем содержанием сознания, которое посредством этого слова выражается. В случае со знаками научного языка значение термина можно и нужно сопоставлять с пснятиями, ибо таково идеальное содержание, выражаемое посредством него. Но неправомерно поступать таким же образом, изучая значения слов обыденного языка. Живое слово, насыщенное красками и запахами бытия, выражает не одно только логически рассудочное содержание, и поэтому его значение необходимо сравнивать не с по-

нятием только, а со всем тем содержанием сознания, которое при помощи этого слова выражается. А тогда между значением обыденного слова и тем, что это слово выражает, не останется никакого различия.

Таким образом, идеальная концепция значения с логической необходимостью ведет к отождествлению значения языкового знака с тем идеальным содержанием сознания, которое посредством этого знака выражается. В частном случае (и согласно терминологии, используемой при традиционной постановке вопроса) это равносильно отождествлению значения слова и понятия. Одни исследователи, сознавая неизбежность этого вывода, принимают его как искомую истину, другие же, фактически стоя на позициях тождества значения и понятия, утверждают, что они отстаивают идею их диалектического единства.

Разумеется, ничего нельзя иметь против стремления рассмотреть проблему с точки зрения диалектики. Но столь же ясно, что при этом диалектические категории должны применяться согласно их собственному специфическому смыслу. Хорошо известно, что диалектическое единство—это момент противоречивого процесса развития, имеющий в качестве своего дополнения «борьбу» противоположностей. Единство в диалектическом смысле всегда динамично, относительно, временно, ибо это единство противоположностей, в тенденции взаимно исключающих друг друга. Понятно, что соотношение значения и понятия, как оно мыслится сторонниками рассматриваемой концепции значения, ничего общего не имеет с подлинно диалектическим единством. Ибо вопрос с самого начала обсуждается не в плане самодвижения и развития, а на уровне формальнологического сопоставления объемов соответствующих понятий. Если, как утверждают, «понятие составляет основу, центральное ядро значения слова, а в определенных условиях может и полностью совпасть со значением», то между ними устанавливается самое обыкновенное отношение включения, которое в школьной логике иллюстрируется двумя кругами: один круг расположен внутри другого, либо же эти круги просто совмещены.

Поскольку же все поиски различия между значением и понятием, как было показано выше, в конечном счете оказываются бесплодными, отношения между ними фактически, на деле сводятся к тождеству, причем к тождеству элементарному, статическому, даже отдаленно не напоминающему диалектическое единство.

Итак, вопреки словесным декларациям, объективный результат состоит в отождествлении значения слова и понятия. Каков же гносеологический смысл подобного отождествления? Гносеологические выводы могут быть различными— в зависимости от того, как мыслится отношение между словом и значением.

Когда языковой знак—слово—принимается за билатеральное, двустороннее явление, образуемое из двух компонентов—звучания слова и его значения, последнее, понятно, оказывается внутренним компонентом слова. Поскольку же значение отождествляется с понятием, в состав слова—на правах «значения»—включается понятие. Получается, что язы-

ковой знак каким-то образом содержит в себе элемент мышления—понятие. Но вследствие этого слово из «элементарной» частицы языка превращается в некоторое мыслительно-языковое образование. Если же настаивать на том, что слово все-таки остается представителем языка, то последует вывод, что в самих «кирпичиках» языка уже содержатся формы мышления.

Нежелательность такого вывода очевидна. Во всяком случае для тех, кто рассматривает язык и мышление как единство, а не как тождество. (Кстати, стремление представить соотношение значения и понятия как единство, возможно, объясняется благим намерением вывести отсюда единство языка и мышления. Но для этого значение должно было бы выступить в качестве языкового явления. Поскольку же значение принимается за идеальное содержание, т. е. за явление, принадлежащее не языку, а мышлению, это намерение оказывается неосуществимым).

Но, может быть, этих последствий можно избежать, отказавшись от представления о языковом знаке как билатеральном образовании, но сохранив исходный пункт идеальной концепции значения? В самом деле, если принять, что словом следует считать не соединение звучания и значения, а одно лишь звучание, то понятие (отождествляемое со значением) уже не придется включать в состав слова¹¹. Однако такое решение, в свою очередь, порождает новые трудности.

Нельзя согласиться прежде всего с тем, что слово—это просто комплекс звуков. Ибо звуко сочетание, вообще говоря,—физический, а не лингвистический феномен. Не всякий звуковой комплекс является словом, а лишь такой, который наделен специфически лингвистическим значением. Если же считать, что словом служит звуко сочетание, имеющее значение, и вместе с тем держаться прежнего мнения, что значение—это понятие, то становится неясным, каким образом понятие, представляющее собой явление безнациональное, логическое (либо же психологическое или гносеологическое,—во всяком случае гностическое), принимает на себя роль значения слова, т. е. чего-то, относящегося к области национального, лингвистического, коммуникационного. Наконец, когда значение исключается из состава слова, то оно, значение, соответственно, оказывается расположенным вне языкового знака. Но такое пространственное отделение значения от знака едва ли можно признать плодотворным, ибо тогда выражение «знак имеет значение» придется понимать в том смысле, что знак «имеет» (?) в качестве своего значения то, что находится вне его....

Таким образом, включение значения-понятия в состав слова приводит к явно неприемлемым выводам. Столь же неприятные последствия проистекают из исключения значения-понятия из состава слова. Значение, отождествляемое с понятием, не находит своего места в системе понятий, описывающих мыслительно-языковую деятельность. Иными

¹¹ См. Г. А. Брутян. Критический анализ семантической философии (на арм. яз.), Ереван, 1962, стр. 381—382.

словами, идеальная концепция значения, как говорится, не работает. Идеальную концепцию значения следует поэтому отвергнуть во всех ее вариантах, ибо ошибочной является ее основная, центральная идея.

Существует мнение, что выход за пределы идеальной концепции значения невозможен. Такое мнение положено в основу одной недавно вышедшей статьи¹², автор которой дает классификацию современных теорий значения, выдвигая в качестве основания деления то или иное решение вопроса о соотношении понятия и значения языкового знака. Предлагаемая классификация на первый взгляд кажется стройной и полной. Действительно, если бы значение слова представляло собой некоторое идеальное образование, то проблема значения в значительной мере сводилась бы к вопросу о соотношении между двумя идеальными сущностями—понятием и значением. Вся беда, однако, в том, что исходное положение, согласно которому значение—это идеальное образование, не является ни доказанным, ни самоочевидным. Более того, истинность именно этого положения находится под сомнением, составляя предмет наиболее принципиальных расхождений.

Между тем данная классификация, молчаливо предполагающая как нечто само собой разумеющееся, что значение может быть лишь идеальным образованием, создает впечатление будто все специалисты единодушны в признании этого положения и расходятся только в вопросе о том, как соотносятся между собой две идеальные сущности—значение и понятие. При этом заранее отвергается возможность существенно отличного понимания значения, вследствие чего все те теории, которые рассматривают значение не с точки зрения идеальной концепции, а как-то иначе, по существу, оставляются вне поля зрения.

Впрочем, нельзя сказать, что неудобные теории полностью игнорируются. Но, поскольку эти теории не вмещаются в отведенные им рубрики, единственным средством сохранения полноты классификации оказывается вольное или невольное их искажение. Так, автору, немало места в своих работах уделившему опровержению ошибочного, с его точки зрения, взгляда, будто значение—идеальное образование,—этому автору приписывается взгляд, согласно которому значение и понятие составляют идеальные сущности, никак не связанные между собой или связанные лишь внешне. К тому же сей автор обвиняется в том, что он отрывает значение от понятия, в то время как тот усматривает значение в отнесенности слова к понятию. Таковы некоторые, мягко говоря, неточности, которые приходится приносить в жертву принятой схеме.

В действительности выход за пределы идеальной концепции значения возможен. И это—не просто теоретическая возможность. Основные споры по проблеме значения разворачиваются не между различными вариантами идеальной теории значения, сколь существенными бы порой

¹² См. В. А. Лебедянский. К вопросу о соотношении понятия и значения. «Вестник Ленинградского университета», № 5. Серия экономики, философии и права. Вып. 1, 1966.

ни казались расхождениями между ними, а между идеальной и референциальной концепциями.

Примечательно, что против референциальной концепции, принимающей за значение языкового знака отношение, нередко—и в том числе лингвистами—выдвигаются возражения философского порядка. Так, например, полагают, что эта концепция «...несет в себе отголоски субъективизма берклеанско-юмистского толка»¹³. Порок референциальной теории при этом усматривается в ее исходной идее, согласно которой значение—это отношение: предполагается, видимо, что отношение—явление настолько призрачное и эфемерное, что его вряд ли можно считать существующим реально. «Стоит только сказать, что «значение это соотносительность слова с предметом», как из трех членов отношения—слова..., значения и предмета—останутся только два—слово и предмет, а значение незаметно испарится»¹⁴.

Обвинение заключается, следовательно, в том, что за значение берется нечто, не имеющее объективно-реального существования, а, значит, субъективное. Однако обвинение это, конечно же, несостоятельно. Существование отношений, вообще говоря, не менее реально, чем бытие вещей. Правда, носителями отношений служат вещи. Но само бытие вещей—голая абстракция, если вещи рассматриваются вне их отношений между собой. Неправомерно поэтому приписывать отношению одно лишь субъективное существование.

Верно лишь то, что в некоторых разновидностях референциальной концепции значение-отношение получает ненаучную трактовку. Но ясно, что этим в принципе не исключается возможность научного, материалистического понимания этого отношения. Референциальную концепцию значения—так же, как теорию относительности, скажем,—нельзя привязать к какому-то определенному направлению в философии, ибо это специально-научная теория, допускающая (и действительно получающая) различные философские интерпретации.

Поэтому, кстати, нет никакого основания критиковать определения значения как отношения за то, что оно «...может быть истолковано и материалистически, и идеалистически»¹⁵. Мнение о том, что определение приемлемо лишь в том случае, если оно исключает возможность идеалистического истолкования, нуждается в уточнении. Подобные требования имеют силу, пожалуй, только в отношении определения философских понятий (категорий). Ибо последние реально-исторически выступают только как элементы той или иной определенной философской системы,

¹³ С. Д. Канельсон. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, стр. 35—36.

¹⁴ Там же, стр. 35.

¹⁵ В. М. Еремينا. Значение—«комплекс отношений»? (Рецензия на книгу: М. Marković. Dialektička teorija značenja. Beograd, 1961). «Философские науки», 1966, № 3, стр. 130.

вследствие чего за сходством в названии подчас кроется глубокое различие в содержании. Поэтому материалистическое определение таких категорий, действительно, должно предполагать оппозицию идеалистической интерпретации. Но понятие значения, как уже говорилось, не принадлежит к числу философских понятий.

Во всяком случае референциальная теория значения в этом отношении находится в равном положении с идеальной концепцией: ведь идеальное образование, принимаемое за значение, отнюдь не в меньшей мере допускает идеалистическое истолкование. Между тем это не ставится в упрек идеальной теории значения. Добросовестная критика просто оставляет в стороне ненаучные трактовки и анализирует идеальную концепцию в ее рациональном виде, в том ее варианте, в котором идеальное образование (значение) понимается как обобщенное отображение действительности. На аналогичный подход, казалось бы, может рассчитывать и референциальная концепция.

Однако, если даже иметь в виду философски-рациональное истолкование значения как отношения, то и в этом случае референциальную теорию значения нельзя считать однозначно определенной. При общем согласии в том, что значение есть отношение знака к компонентам, участвующим в процессе функционирования знаков, одни считают значением отношение знака к предмету обозначения¹⁶, другие — отношение знака к обобщенному образу предмета обозначения¹⁷, третьи — двойное отношение к тому и другому¹⁸.

Подобные расхождения — даже в пределах одной и той же референциальной концепции значения — объясняются тем, что «значение» — чрезвычайно сложное понятие, суммарно фиксирующее целый ряд различных знаковых свойств. Терминология же, относящаяся к частным разновидностям значения, еще не устоялась. Поэтому, говоря о значении языкового знака или даже о его лексическом значении, нередко имеют в виду различные знаковые свойства.

Выше уже говорилось, что лингвистическому (семасиологическому) понятию о лексическом значении слова в области семиотики соответствует понятие о семантическом значении. Однако и семиотическое понятие о семантическом значении и — соответственно — семасиологическое понятие о лексическом значении являются еще достаточно сложными. Признание этого обстоятельства в семиотике привело к попыткам расщепления семантического значения. Точно так же и в символической логике

¹⁶ См. Е. М. Галкина-Федорук. Понятие и слово. М., 1956, стр. 11. А. С. Чикобава. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, стр. 116 и 120.

¹⁷ См. Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 8. П. В. Копнин. Диалектика как логика. Киев, 1961, стр. 308. П. С. Нарский. Соотношение отражения, информации и значения. «Проблемы методологии и логики науки». Вып. 2. Изд. Томского университета, 1965, стр. 15.

¹⁸ См. А. С. Мельничук. Что понимается под языковым знаком? «Zeichen und System der Sprache», II. Band. Berlin, 1962, S. 136. См. Ю. Я. Степанов. О предпосылках лингвистической теории значения. «Вопросы языкознания», 1964, № 5, стр. 68.

семантическое значение обычно подразделяется на денотативное и смысловое (или—в карнаповской терминологии—на экстенциональное и интенциональное) значение. Есть основания полагать, что и в семасиологии необходимо различать те компоненты, которые составляют лексическое значение слова.

Лексическое значение—это, по-видимому, такое свойство языкового знака, которое связано с его способностью обозначать предметы и явления действительности и выражать идеальное содержание сознания, отражающего эту действительность. При таком понимании в лексическом значении слова можно выделить два компонента—предметное значение и смысловое: нечто, зависимое от предмета обозначения, и что-то, зависимое от осмысления этого предмета.

Очевидно, следует признать, что предмет обозначения каким-то образом выступает в качестве фактора, конституирующего лексическое значение слова. Два разноязычных слова имеют одно и то же значение в конечном счете потому, что они обозначают один и тот же предмет. Именно такова последняя, внесубъектная предпосылка, делающая возможным перевод с одного языка на другой. Даже тогда, когда люди говорят на одном языке, они понимают друг друга лишь постольку, поскольку живут в одном мире. И, наоборот, взаимопонимание затрудняется или просто нарушается, когда отсутствуют соответствующие реалии.

Это, однако, вовсе не свидетельствует в пользу того, будто за предметное значение слова должен быть признан самый предмет. При всей своей кажущейся «реалистичности» подобный взгляд крайне наивен. В самом деле, можно ли считать, что значением слова «слон» является то самое животное, которое обозначается этим словом? Разумеется, нет: отличительные признаки слона—хобот, внушительные размеры, тяжеловесность; значение же слова «слон» не имеет ни размеров, ни веса, ни хобота; слоны обитают в Индии и Африке, значение же слова «слон» «обитают» только в языке. Короче, предмет—слишком «онтологичен» для того, чтобы его можно было принять за лингвистическое явление.

Если бы значение было тождественно предмету обозначения, то лингвистика, изучая значения слов, должна была бы исследовать все предметы действительности, соответствующие этим словам. Но тогда предмет языкознания необыкновенно расширится бы, и оно заменило бы собой все остальные научные дисциплины. Между тем предметом лингвистики всегда была и остается языковая реальность, а не та действительность, о которой на этом языке говорят.

Значение слова понимается тогда, когда становится известным, с каким предметом соотнесен данный языковой знак в общественном сознании языкового сообщества. Поэтому правы те исследователи, которые видят значение слова в отнесенности языкового знака к предмету обозначения. Однако при этом, строго говоря, речь должна была бы идти не о лексическом значении в целом, а лишь о его компоненте—предметном значении.

Такая отнесенность к предмету обозначения является свойством языкового знака только в глазах языкового сообщества—носителя языка. Вне языкового сознания этого отношения вообще не существует. И хотя это свойство именуется предметным значением, оно принадлежит не предметному миру, а миру языковых явлений.

Поскольку отнесение языкового знака к предмету обозначения осуществляется сознанием посредством соотнесения акустического образа слова с обобщенным образом предмета обозначения, понятно, что идеальное отражение предмета каким-то образом участвует в конституировании значения слова. При этом если бы гносеологический образ полностью совпадал с отображаемым предметом, то он, очевидно, служил бы только простым пассивным опосредующим моментом. Но отражение никогда не может быть всесторонним и исчерпывающим: исторически обусловленное определенным уровнем развития познания и категорическими требованиями практики, оно всегда схватывает предмет под тем или иным углом зрения и, следовательно,—более или менее односторонне. Обозначая предмет, языковой знак как бы подразумевает объективность его существования, но вместе с тем предмет берется, выражаясь словами Маркса, как объект человеческой деятельности, практики, так сказать, субъективно¹⁹. Ясно, что лексическое значение слова зависит не только от предмета, взятого во всей его объективности, но и от того, как он ближайшим образом мыслится. Этот последний компонент лексического значения и был назван выше смысловым значением.

Различие между предметным и смысловым значением становится особенно явственным при сопоставлении слов, имеющих тождественное предметное значение, но расходящихся в смысловом значении. Так, в санскрите (пример В. Гумбольта) имеется три различных слова, обозначающих слона,—«дважды пьющий», «двузубый» и «однорукий». На примере этих слов—благодаря их «внутренней форме»—ясно видно, что соответствующие им представления выделяют и фиксируют различные признаки предмета, не обязательно существенные, но, как правило, бросающиеся в глаза, отличительные. Предмет обозначается посредством указания на тот или иной признак, который становится представителем обозначаемого целого. Вследствие этого предмет мыслится по-разному—в зависимости от того, на какой признак возложена функция *pars pro toto*.

Но и в том случае, если внутренняя форма слова стерта (кто в слове «стол» актуально ощущает «стлать?»), языковой знак обозначает предмет только посредством выражения некоторого понятия, отражающего этот предмет. Тот факт, что языковой знак выражает определенное идеальное содержание, собственно, и означает, что он обладает смысловым значением.

На этом основании, казалось бы, можно сказать, что смысл слова, его смысловое значение сводится к тому идеальному содержанию, кото-

¹⁹ Ср. К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 1.

рое мы в это слово вкладываем. Именно такого мнения придерживаются некоторые представители современной символической логики (в том числе Р. Карнап и А. Чёрч), которые, давая нестрогое определение понятия «смысл», утверждают: это то, что бывает усвоено, когда понимается значение знака. Правда, под «тем, что бывает усвоено», можно, конечно, понимать совершенно различные вещи. Но при рациональной (опять-таки!) интерпретации под ним, видимо, следует подразумевать некоторое идеальное содержание сознания. Итак, идеальное содержание, отражающее предмет обозначения, это и есть смысловое значение слова? Выходит, что идеальная концепция значения вновь торжествует?

Думается все же, что с этими выводами согласиться нельзя. То понимание смыслового значения, которое было намечено выше, существенно расходится с идеальной концепцией значения. Здесь есть тонкость, иногда остающаяся незамеченной, хотя уже сорок лет назад на нее было обращено внимание. Л. Вейсгербер в своем тогдашнем обзоре теорий значения сопоставляет два определения значения: согласно первому, значение—это понятие, связанное со словом; согласно второму, понятие служит значением постольку, поскольку оно связано со словом. По мнению автора обзора, различие между этими определениями «исключительно важно», так как оно «раскрывает подлинную природу понятия значения». Симпатии самого Л. Вейсгербера на стороне второго определения, хотя и оно, по его мнению, нуждается в уточнении. По этой логике, значением является не понятие, связанное со словом, а связанность понятия со словом, связь, отношение между словом и понятием²⁰.

Аналогичного взгляда на природу значения придерживается ряд современных лингвистов и философов, в том числе и советских. С их точки зрения, значением служит не понятие, а способность слова выразить понятие. Трудно сказать, каков конкретный психофизиологический способ осуществления того, что мы называем «выражением понятия посредством слова». Одни полагают, что этот «механизм», в сущности, сводится к ассоциации, другие опасаются, что это было бы не чем иным, как «ассоциативизмом»... Все же одно не должно вызывать сомнений: то обстоятельство, что слово выражает понятие, равносильно тому, что слово стоит в определенном отношении к понятию. Отнесенность слова к понятию в такой же степени присуща языковому знаку, в какой выраженность понятия в слове (или иных знаках) свойственна понятию. Эта отнесенность, направленность слова к некоторому идеальному содержанию и составляет суть смыслового значения слова.

Лексическое значение слова, однако, не сводится и к одному только смысловому значению. Лексическое значение—это некоторая целостность, состоящая из предметного и смыслового значения. Это—двойная отнесенность слова: к предмету обозначения и к его обобщенному отображению. Причем два этих отношения теснейшим образом переплетены. Невозмож-

²⁰ L. Weisgerber, *Die Bedeutungslehre—ein Irrweg der Sprachwissenschaft?* „Germanisch-romanische Monatsschrift“, 1927. Hf. 5—6, S. 170.

но соотнести языковой знак с предметом, не имея в сознании идеального образа последнего и, следовательно, не выражая посредством этого знака определенного идеального содержания. Вместе с тем, выражая понятие, мы тем самым обозначаем предмет, отображаемый этим понятием.

При таком понимании лексического значения слова отпадает пресловутый вопрос «о соотношении между значением и понятием». Значение, оказавшись лингвистическим явлением, само служит тем элементом, который связывает слово и понятие, язык и мышление. Вместе с тем, поскольку значение включает в себя предметную отнесенность, оно воплощает в себе тот компонент, который ориентирует языковые знаки не только на мир идей, но и на внешний, вещный мир.

ԲԱՌԱՅԻՆ ԻՄԱՍՏԻ ԴԱՍԻՆ

(Իմացաբանական վերլուծություն)

Լ. Հ. ԱՔԲԱՂԱՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հեղինակի կարծիքով տվյալ հարցում հակադրվում են հիմնականում երկու տեսակետներ՝ իդեալական և ռեֆերենցիալ կոնցեպցիաները: Հստ առաջինի, բառիմաստը նշանակվող առարկայի իդեալական արտացոլումն է: Երկրորդն ընդունում է որ բառիմաստը լեզվական նշանի հարաբերությունն է այս կամ այն բաղադրիչներին, որոնք մասնակցում են նշանների գործառնության պրոցեսին:

Հոդվածում նախ քննադատաբար վերլուծվում է իդեալական տեսությունը: Հեղինակը նշում է այս կոնցեպցիայի մի շարք թույլ կողմեր և դտնում է, որ նա հանգեցնում է իմացաբանական սխալ եզրակացությունների: Միաժամանակ բերվում են փաստարկներ հոգուտ ռեֆերենցիալ տեսության: Բառիմաստը դիտվում է որպես լեզվական նշանի հարաբերություն՝ նշանակվող առարկայիս և նրա ընդհանրացված արտացոլմանը: